

И. Д. ГОРНУШЕНКОВ · И. В. ПЛУЖНИКОВ

КЛЯКСА, КОТОРАЯ ВИДИТ НАС

История теста Роршаха
и его толкователей

Сто лет одного метода:
от психиатрической клиники до нейронаук

**Иван Горнушенков
Илья Плужников**

**Клякса, которая видит нас:
история теста Роршаха
и его толкователей**

<https://litres.ru/74417929>

SelfPub; 2026

Аннотация

Тест Роршаха – одна из самых узнаваемых и одновременно самых спорных диагностических процедур в истории психологии. Симметричное чернильное пятно стало культурным символом раньше, чем психологи договорились о том, что именно оно измеряет. Эта книга прослеживает сто лет применения метода: от психиатрической клиники в Херизау, где Герман Роршах собирал первые протоколы, до полевых работ антропологов на острове Алор, скамьи подсудимых в Нюрнберге, отбора первых американских астронавтов, американских судов и, наконец, томографа. Отдельные главы посвящены отечественной линии исследований, «роршаховским войнам» 1990–2000-х годов, перелому 2013–2015 годов, когда критики метода публично отзывали призыв к мораторию на его использование, современной системе R-PAS и нейронаучному развороту последних лет.

Книга адресована клиническим психологам, психиатрам, студентам психологических факультетов, однако может быть доступной и широкому кругу интересующихся читателей.

Содержание

Клякса, которая видит нас. История теста	5
Роршаха и его толкователей	
От авторов	5
Глава 1. Человек, увидевший в кляксах метод	9
1.1. Цюрих, Мюнстерлинген, Херизау	9
1.2. «Психодиагностика», июнь 1921 года	13
1.3. Что именно предложил Роршах: три категории и тип переживания	15
1.4. Смерть автора и судьба книги	18
1.5. Столетие спустя: архив, переписка, новый перевод	20
Глава 2. Метод без автора: Европа и Америка	23
2.1. Ближайший круг	23
2.2. Как метод попал в США	25
2.3. Пять систем	27
2.4. Пять систем – пять разных тестов	29
Глава 3. За пределами клиники	31
3.1. Антропологи: остров Алор и «модальная личность»	32
3.2. Война: отбор в OSS	36
3.3. Нюрнберг	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

**Илья Плужников,
Иван Горнушенков**
**Клякса, которая видит нас:
история теста Роршаха
и его толкователей**

**Клякса, которая видит нас.
История теста Роршаха
и его толкователей**

От авторов

Про тест Роршаха знают почти все – однако мало кто знает, что это такое на самом деле.

Симметричная клякса давно живёт отдельно от психологии и медицины. Она смотрит с обложек фильмов, с футболок, с лица героя комикса; ею иллюстрируют статьи о том, что «каждый видит своё»; её используют как метафору любой неоднозначной ситуации, в которую наблюдатель вкла-

дывает собственные предубеждения. При этом сам метод за сто лет прошёл путь, который мало какая психологическая процедура выдержала бы: его объявляли рентгеном души, потом псевдонаучным методом, потом снова – при некоторых оговорках – рабочим инструментом. Мало найдётся тестов, вокруг которых столько раз объявляли окончательный приговор и столько же раз его пересматривали.

Эта книга – история его применения и история тех, кто его применял. Нас интересовало не столько то, как устроен подсчёт показателей (об этом есть подробные руководства), сколько то, зачем и кем метод брался в руки: в психиатрической палате, в этнографической экспедиции, в тюрьме Нюрнберга, в комиссии по отбору астронавтов, в зале суда, в лаборатории функциональной магнитно-резонансной томографии. История применения – это одновременно история ожиданий, которые на метод возлагали, и разочарований, которые за этими ожиданиями следовали.

Книга выросла из курсовой работы одного из авторов, написанной в 2016 году на факультете психологии МГУ имени М. В. Ломоносова и посвящённой месту метода Роршаха среди нейропсихологических методик. С тех пор прошло около десяти лет – срок, за который в судьбе метода изменилось больше, чем за предшествующие тридцать. Появилась новая система работы с тестом, вышло академическое столетнее издание «Психодиагностики», развернулась и в значительной степени разрешилась мета-аналитическая поле-

мика, а нейронауки впервые дали возможность посмотреть, что происходит в мозге человека, пока он придумывает, на что похоже пятно. Всё это потребовало не столько дополнения прежнего текста, сколько его переработки.

Мы старались писать так, чтобы книгу мог читать не только специалист. Это означало отказ от части технических подробностей. Но это не означало отказа от ссылок: каждое фактическое утверждение в тексте опирается на источник, указанный в скобках и раскрытый в списке литературы. Читатель, которому захочется проверить и уточнить что-то - сможет это сделать.

Название этой книги – сознательная провокация, и здесь лучше объяснить сразу. Строго говоря, «клякса» – слово неточное: Роршах не капал чернила наугад, а изготавливал таблицы целенаправленно, добиваясь нужных контуров, и в первой главе мы разбираем, чем одно отличается от другого. Но именно так – как случайное пятно, в которое каждый привносит своё, – тест вошёл в общественное сознание, и с этим представлением нам предстоит разбираться на протяжении всей книги. Что до второй половины заголовка, то к концу истории выяснится, что метод оказался испытанием не столько для тех, кого им обследовали, сколько для самой психологии и психиатрии сто лет пытавшихся понять, что же он измеряет.

Ещё одно замечание. Мы сознательно не воспроизводим ни одной из десяти оригинальных таблиц Роршаха и не при-

водим списков типичных ответов. Причины изложены в главе 10; коротко говоря, стимульный материал теста – расходуемый ресурс, и его публикация в открытом доступе – несет больше вреда, чем пользы (хотя и – по клиническому опыту авторов – попытки «выучить ответы» посредством подобных материалов – в отличие от других тестов – обычно заканчиваются полным фиаско). Изображение на обложке – самостоятельно сгенерированное посредством ИИ симметричное пятно, не имеющее отношения к рабочим таблицам.

И. Д. Горнушенков - клинический психолог, н.с. ФГБНУ РНЦПЗ

И. В. Плужников - клинический психолог, кандидат психологических наук.

Глава 1. Человек, увидевший в кляксах метод

1.1. Цюрих, Мюнстерлинген, Херизау

Герман Роршах родился 8 ноября 1884 года в Цюрихе, в семье художника и преподавателя рисования. Обстоятельство почти анекдотическое, но для истории метода существенное: его отец учил детей видеть и вычленять форму, и сын, пойдя по совсем иной профессиональной линии, вырос человеком, для которого вопрос «на что это похоже?» - стал также далеко отнюдь не праздным.

Кляксография – забава, состоявшая в том, чтобы капнуть чернил на лист, сложить его пополам и разглядывать получившуюся симметричную фигуру, – была в конце XIX века распространённым домашним развлечением; в немецкоязычных странах у неё было и своё название, *Klecksographie*. По устойчивому преданию, школьное прозвище Роршаха происходило именно от этого слова. История хороша, и биографы её любят, однако опирается она на семейные воспоминания, а не на документы.

Роршах учился медицине, интересовался психиатрией и попал в среду, которая в те годы была едва ли не самой ин-

теллектуально насыщенной в Европе. Его учителем стал Ойген Блейлер – тот самый, кто ввёл термин «шизофрения» и под чьим руководством в Бургхёльцли работал молодой Карл Густав Юнг. В 1912 году под руководством Блейлера Роршах защитил диссертацию «О рефлексивных галлюцинациях и близких им явлениях» – работу о том, как восприятие в одной модальности порождает образ в другой, и о родственных этому феноменах.

Интернатуру Роршах проходил в психиатрической больнице Мюнстерлинген. Неподалёку работал его друг, школьный учитель Конрад Геринг, который показывал ученикам чернильные пятна и записывал их ответы (Ассанович, 2002). По одной из версий, именно это подтолкнуло Роршаха к мысли, что таким материалом можно пользоваться не для игры, а для исследования. С конца 1917 года, заняв пост заместителя директора психиатрической больницы Кромбах в Херизау, он начал систематическую работу.

Уже здесь стоит отметить особенность, которую позднейшие пересказы обычно теряют. Роршах не «брал случайные кляксы». Он изготавливал их сам и целенаправленно, добиваясь того, чтобы часть пятна имела более определённые контуры, напоминающие конкретные объекты. Логика была понятной: если у пятна есть узнаваемая большинством "нормальных" людей часть, то разница между ответами больных и здоровых на эту часть, с большой вероятностью, окажется диагностически значимой. Иначе говоря, знаменитая

«неопределённость» стимульного материала – не свойство метода, а позднейшее упрощение.

Отдельного упоминания заслуживает жена Роршаха – Ольга Штемпелин, врач родом из России, с которой он обвенчался в 1910 году. Роршах хорошо знал русский язык, интересовался русской культурой и через круг общения жены соприкасался со средой, близкой к толстовству. Приезжал в Россию до революции. Биографы отмечают, что этот русский эпизод не был для него декоративным: он всерьёз рассматривал возможность переезда.

Русской литературой он увлёкся ещё студентом: общался с политэмигрантами из Российской империи, выучил язык, читал Достоевского и Толстого. В 1906 году впервые поехал в Россию, а в 1909-м, за несколько месяцев до свадьбы, провёл два месяца в Казани, знакомясь с семьёй невесты, - и попутно практиковал как врач в Челябинске, Уфе, Кургане. Тогда же он сошёлся с психиатрами Н. А. Вырубовым и Ю. В. Каннабихом, разделявшими его интерес к психоанализу.

Дальше связи только крепли. В 1912–1913 годах Роршах переводил для венского «*Internationale Zeitschrift für ärztliche Psychoanalyse*» статьи из русского журнала «Психотерапия». В декабре 1913 года он снова приехал в Россию и почти год проработал психотерапевтом в подмосковном санатории «Крюково», где лечили неврозы и пограничные состояния у дворянства и художественной интеллигенции. В 1914 году он был единственным иностранным членом редакционного

совета журнала «Вопросы психиатрии и неврологии имени С. С. Корсакова» и написал для него статью о швейцарской психиатрии. Летом 1914 года он вернулся в Швейцарию - и больше в Россию не приезжал (Никонова, Рупчев, 2024; Kosenko & Steger, 2022).

Отсюда предположение, которое высказывают исследователи: несколько экземпляров «Психодиагностики» вполне могли быть отправлены российским коллегам сразу после выхода книги в 1921 году. Прямых доказательств нет, но скорость, с которой метод появился в советской печати, косвенно на это указывает.

1.2. «Психодиагностика», июнь 1921 года

Книга вышла в июне 1921 года в издательстве Bircher под названием «Психодиагностика: методика и результаты диагностического эксперимента по исследованию восприятия (истолкование случайных образов)» (см. рус. изд.: Роршах, 2003).

Читателю, знакомому с современными представлениями о тесте, полезно узнать, что в этой книге не было почти ничего из того, что сегодня считается «Роршахом»: ни проективной гипотезы, ни психоаналитической интерпретации содержания ответов, ни разговоров о бессознательном. Была теория восприятия. Роршах писал: «восприятие представляет собой ассоциативное приравнивание имеющихся у индивида энграмм к только что возникшему комплексу ощущений... истолкование случайных форм можно представить как особый вид восприятия» (Роршах, 2003, с. 22).

Ключевое слово здесь – «восприятие». Роршаха интересовало не то, *что* испытуемый увидел, а то, *как* он это увидел: на какую часть пятна опирался, какая его характеристика подтолкнула к ответу, насколько удачно образ соответствовал контуру. Позднее этот взгляд назовут перцептивным, и вокруг него будет строиться одна из двух главных линий по-

нимания метода.

Издательская судьба книги оказалась печальной. Тираж почти не расходился, отклики были скудными и по большей части холодными, а Bircher вскоре обанкротился. Права перешли к издательству Ханса Хубера, и уже под этой маркой «Психодиагностика» переиздавалась десятилетиями.

Одна техническая деталь заслуживает внимания, потому что впоследствии оказалась содержательной. При подготовке печати Роршах и типография разрабатывали особые процессы воспроизведения – чтобы точно передать цвета и, главное, полутоновые переходы, растушёвку. В рисованных исходных таблицах светотени не было; она появилась именно при печати. Так печатный артефакт стал полноправной характеристикой стимула, и уже вскоре светотеневые ответы вошли в систему оценки.

1.3. Что именно предложил Роршах: три категории и тип переживания

Роршах ввёл три категории оценки ответа, которыми психологи пользуются до сих пор:

локализация – какую часть пятна испытуемый выбрал для ответа;

детерминанты – какие особенности пятна позволили ему дать этот ответ (форма, цвет, ощущение движения, светотень);

содержание – что именно он увидел (человека, животное и т.д).

Для удобства записи он предложил набор символов, который с модификациями дожил до наших дней. Это была первая попытка сделать разговор о восприятии формализуемым: не «пациент дал странный ответ», а конкретная кодировка, которую можно сравнивать между протоколами.

Самое известное содержательное открытие Роршаха касается соотношения ответов, определённых движением человека, и ответов, определённых цветом. Эмпирически он обнаружил, что люди с разными личностными особенностями закономерно различаются по этому соотношению, и выделил два **типа переживания**: «двигательный», или интроверсив-

ный, и «цветовой», или экстратенсивный.

Здесь нужна оговорка, которую почти всегда опускают. Интроверсию Роршах понимал не по Юнгу. Речь шла о преобладании внутренней психической активности, интенсивных, а не экстенсивных контактах, уравновешенной аффективности. Экстратенсивный тип, наоборот, характеризовался «стремлением жить внешней жизнью, возбудимой двигательной сферой, лабильной аффективностью» (Роршах, 2003, с. 107). Главное же: эти типы не были для него противоположностями. Он подчёркивал, что перед нами «различные свойства психики» (Роршах, 2003, с. 106), образующие континуум, а не дихотомию, – возможны и равновесие, и отсутствие обоих типов ответов.

Тип переживания Роршах определял как характеристику «психического аппарата переживаний, который подвергает все переживания первичной обработке и... помогает испытуемому воспринимать происходящее в его душе и в реальной жизни» (Роршах, 2003, с. 112). И тут же вводил различие, которое многое говорит о его научной осторожности: необходимо отличать, «где перед нами *процесс* интроверсии, а где *состояние* интроверсии» (Роршах, 2003, с. 106). У здорового человека интроверсия – изменчивое качество; о хроническом преобладании имеет смысл говорить лишь в патологии.

Именно поэтому в «Психодиагностике» уже есть материал по клиническим группам – не только по шизофрении, ра-

ди которой всё затевалось, но и по эпилепсии, алкоголизму, старческому слабоумию, сосудистой деменции. Мысль о том, что метод чувствителен к органическому поражению мозга, принадлежит самому автору, а не позднейшим интерпретаторам.

1.4. Смерть автора и судьба книги

В феврале 1922 года Роршах выступал на заседании Швейцарского психоаналитического общества с планами развития метода. Через полтора месяца его не стало.

2 апреля 1922 года он умер в Херизау от перитонита, вызванного разрывом аппендикса. Неделью его мучили боли в животе; была проведена диагностическая лапаротомия, но состояние на тот момент - оказалось неоперабельным. Ему было тридцать семь лет. Блейлер в некрологе назвал его надеждой целого поколения швейцарской психиатрии.

Трудно найти в истории психологии более радикальный разрыв между автором и методом. Роршах успел опубликовать книгу, но не успел ни собрать нормативные данные, ни довести систему подсчёта до разработанного операционального вида, ни – что важнее всего – самому определить границы применения своего метода. Он оставил после себя удачную идею и незаконченный инструмент. Всё, что происходило дальше, происходило без него.

Первое посмертное дополнение сделал его коллега Эмиль Оберхольцер, опубликовавший в 1923 году незавершённую статью Роршаха. В ней вводились две новые категории оценки: характеристики светотени и показатель популярности ответа (Rorschach & Oberholzer, 1923; Exner et al., 2003). После этого перцептивная линия, заложенная автором, надолго

ушла в тень: набирал силу психоанализ, и внимание исследователей сместилось к содержанию ответов.

1.5. Столетие спустя: архив, переписка, новый перевод

О Германе Роршахе долго было известно относительно немного. Положение изменилось за последние десять лет, и это одна из причин, по которым историю метода имеет смысл рассказывать заново.

Архив в Берне. Единственное в мире собрание, посвящённое Роршаху, находится в Институте истории медицины Бернского университета. Его основал в 1957 году бернский психиатр Вальтер Моргенталер, а позднее фонды существенно пополнились из семейного наследия; многолетним хранителем архива является Рита Зигнер. Здесь хранятся материалы, связанные с Ольгой Штемпелин (1878–1961) и детьми Роршаха – Элизабет (1917–2006) и Вадимом (1919–2010).

Книга Дэмиона Сирлса. В 2017 году вышла биография «The Inkblots: Hermann Rorschach, His Iconic Test, and the Power of Seeing» (Searls, 2017). Её автор – профессиональный переводчик, а не психолог, и это сыграло скорее на пользу: он работал с немецкими источниками напрямую и не был участником ни одной из профессиональных партий. Главная его удача была архивной. Швейцарский психиатр Вольфганг Шварц много лет собирал материалы для биографии Роршаха, успел опубликовать лишь короткую статью и умер, не за-

вершив работу. Сирлс вышел на его вдову и получил доступ к рукописи объёмом около тысячи страниц и сопутствующим материалам, которых в Бернском архиве не было.

Профессиональное сообщество приняло книгу благожелательно (см. рецензию: Keddy, 2018): автору поставили в заслугу отсутствие желания сводить счёты – редкое качество в литературе о Роршахе. Среди содержательных наблюдений Сирлса – тезис о том, что понимание интроверсии у Роршаха и у Юнга, начавшись с разных позиций, со временем сближилось.

Столетнее издание. К юбилею «Психодиагностики» вышло новое академическое издание с полным переводом на английский язык, комментариями и биографическим аппаратом (Rorschach, 2021). В него вошли, помимо основного текста, разбор ранних работ Роршаха, включая диссертацию 1912 года, перевод его лекции о связи метода с психоанализом, глоссарий и полная библиография его публикаций. Тогда же была опубликована переписка Роршаха с Людвигом Бинсвангером и комментарии Бинсвангера к «Психодиагностике» (см.: Acklin, 2022).

Смысл этих публикаций для нашей темы прост. Сто лет метод развивался, опираясь на одну книгу, которую большинство пользователей читали в переводе, а многие – не читали вовсе. Теперь у профессионального сообщества впервые есть выверенный текст и контекст, в котором он писался. Это не отменяет ни одной из позднейших систем, но поз-

воляет отличать то, что предложил Роршах, от того, что ему приписали.

Глава 2. Метод без автора: Европа и Америка

2.1. Ближайший круг

После смерти Роршаха в Европе осталось несколько человек, продолживших работу: Вальтер Моргенталер, Эмиль Оберхольцер, Ганс Бен-Эшенбург и Ганс Цуллигер (Exner et al., 2003).

Бен-Эшенбург ещё при жизни Роршаха и под его руководством создал параллельную серию таблиц – чтобы можно было исследовать надёжность метода. Цуллигер разработал сокращённый вариант из трёх карт, пригодный для группового обследования, – так называемый Z-тест (Ассанович, 2011а). Оберхольцер, помимо публикации незаконченной статьи Роршаха, занимался «органическими» случаями; мы вернёмся к нему в главе 9.

Наиболее заметной фигурой европейской традиции стал Эрнст Бом, выпустивший в 1958 году обширное руководство «Lehrbuch der Rorschach-Psychodiagnostik», где обобщил наработки европейских исследователей. Оценка этой линии, впрочем, сдержанная: «В целом эти исследования развивали роршаховский подход, однако они отличались интуитив-

ным характером гипотез, что составляло их основной недостаток».

Общая тенденция периода была задана не столько внутренней логикой метода, сколько внешним обстоятельством: подъёмом психоанализа. Внимание неуклонно смещалось от того, *как* устроен ответ, к тому, *что* в нём сказано. Перцептивная концепция автора осталась почти без развития.

2.2. Как метод попал в США

Ключевую роль сыграла случайность. К середине 1920-х годов Оберхольцер был известным психоаналитиком, и к нему на стажировку приехал американский психиатр Дэвид Леви. В Швейцарии Леви познакомился с работами Роршаха и увёз в США фотографии стимульного материала и саму монографию (Exner et al., 2003). Он собирался применять метод в исследованиях детей, но переключился на другие темы.

В 1929 году Леви показал привезённые материалы Сэмюэлу Беку, который выбрал темой диссертации стандартизацию метода на детской выборке. Работа заняла около трёх лет и охватила примерно полторы сотни детей. В процессе Бек заинтересовал методом Маргариту Герц, начавшую собственное диссертационное исследование. Обе работы были завершены в 1932 году.

Ни Бек, ни Герц не добавили тогда ничего нового в кодирование или подсчёт. Их вклад был иным: они впервые представили данные на детской популяции и, что важнее, накопили опыт систематического применения метода. «К концу 1950-х годов каждый из них полностью сформировал свой собственный подход» (Ассанович, 2011а, с. 14).

Отдельного упоминания заслуживает история Бруно Клопфера. В 1933 году он учился у Юнга в Швейцарии, где и

познакомился с методом, а в 1934 году, спасаясь от политической ситуации в Европе, эмигрировал в США (Skadeland, 1986). К этому времени интерес к тесту в Америке был высок, а возможностей научиться – почти никаких: монография Роршаха ещё не была переведена с немецкого, и мест, где преподавали метод, насчитывалось три – у Бека, у Герца и в Чикаго, где работал Леви (Ассанович, 2002; Exner et al., 2003).

Появление человека, владеющего методом, вызвало у студентов ажиотаж. Клопфера попросили организовать семинар. Обсуждали как раз то, что было хуже всего разработано: светотеневые детерминанты, обычные и необычные области локализации. Семинары стали настолько популярны, что Клопфер вёл несколько параллельных групп, и метод постепенно превратился в главную тему его работы. В 1936 году он основал издание «The Rorschach Research Exchange», в 1939-м – институт Роршаха и трёхлетние курсы обучения (Белый, 2005). Иначе говоря, американская инфраструктура метода выросла из семинарского кружка.

2.3. Пять систем

К 1957 году в США сложились пять самостоятельных подходов к методу.

Сэмюэл Бек и **Маргарита Герц** развивали направление, наиболее близкое к эмпирико-статистическому идеалу, хотя и расходились между собой в деталях процедуры и кодирования.

Бруно Клопфер выделял три взаимосвязанные подсистемы личности, каждая из которых так или иначе раскрывается в способе структурирования пятна: интеллект, аффект и функции «Я» (или Эго). Его подход позволял увидеть индивидуальные характеристики познавательной деятельности в их связи с аффективной сферой и направленностью личности (Соколова, 1980). При этом система Б. Клопфера базировалась на психоаналитической интерпретации способа восприятия пятна испытуемым, т. е. роршаховская концепция приобрела здесь психоаналитическое звучание.

Зигмунд Пиотровски посещал семинары Клопфера, а затем занялся больными с органическим поражением мозга. Он выделил десять «органических знаков» (подробно – в главе 9), а свой подход назвал перцепт-анализом, подчёркивая, что интересуется перцептивными особенностями ответа, а не его содержанием (Piotrowski, 1957/2013). В этом смысле он был ближе всех к исходному замыслу Роршаха.

Дэвид Рапапорт занимался прежде всего психоаналитической интерпретацией содержания. Его совместная с Гиллом и Шафером книга «Diagnostic Psychological Testing» (Rapaport, Gill & Schafer, 1968) стала для американской традиции одним из основных текстов.

2.4. Пять систем – пять разных тестов

Различия между подходами не сводились к теоретическим предпочтениям. Они касались всей процедуры: где сидит экспериментатор относительно испытуемого, как формулируется инструкция, как задаются уточняющие вопросы, как кодируется ответ, что означает тот или иной показатель.

Джон Экснер, который позже возьмётся эти системы сравнивать, сформулировал итог этой эпохи предельно жёстко: несмотря на общий стимульный материал, каждый из основных подходов был по существу отдельной версией теста Роршаха.

Отсюда следует вывод, который стоит держать в голове на протяжении всей книги, особенно читая главы об эмпирических исследованиях середины века. Результаты, полученные до создания единой системы, крайне трудно сопоставлять – как между собой, так и с современными данными. Разные исследователи в буквальном смысле работали разными инструментами, называя их одним именем. Поэтому к историческим цифрам – «столько-то процентов больных дали такой-то ответ» – следует относиться как к сведениям о том, что и как измерялось тогда, а не как к данным, прямо переносимым в сегодняшнюю практику.

Именно эта разногласица, а не отдельные неудачные исследования, стала главной причиной кризиса, о котором пойдёт речь в главе 5. Но прежде чем перейти к нему, стоит проследить, куда метод успел за эти десятилетия проникнуть. А проник он далеко за пределы психиатрической клиники.

Глава 3. За пределами клиники

Тест, задуманный для различения психиатрических состояний, к середине XX века применялся в этнографической экспедиции, в разведке, в тюрьме для военных преступников и в комиссии по отбору космонавтов. Понять, как это стало возможным, важнее, чем оценить каждый эпизод по отдельности: в этом расширении и заключён механизм, который сначала принёс методу мировую славу, а затем едва его не погубил.

3.1. Антропологи: остров Алор и «модальная личность»

В 1930-е годы в американской антропологии сложилось направление «культура и личность». Его участники исходили из того, что каждая культура формирует у своих носителей определённый склад психики, и искали способ этот склад измерить, не полагаясь только на впечатления стороннего наблюдателя. Тест Роршаха казался идеальным решением: он не требовал грамотности, не зависел напрямую от языка и – по крайней мере, так думали – давал материал, поддающийся объективной обработке.

Хрестоматийным примером стала работа Кору Дю Буа. В 1938–1939 годах она вела полевую работу на острове Алор (тогда Нидерландская Ост-Индия), в деревне Атимеланг, выучила бесписьменный язык абуи, записала подробные автобиографии восьми информантов и применила батарею проективных методик, включая тест Роршаха. Результатом стала книга «The People of Alor» (Du Bois, 1944), в которой психоаналитический комментарий дал Абрам Кардинер, а роршаховские протоколы анализировал – не зная ничего о культуре, из которой они получены, – Эмиль Оберхольцер, тот самый коллега Роршаха.

Схема «слепого» анализа была принципиальной: если

психолог, ничего не знающий об исследуемом народе, приходит по протоколам к тем же выводам, что и антрополог, проживший в деревне год, – значит, метод действительно улавливает нечто реальное. Дю Буа ввела понятие **модальной личности** – статистически преобладающего в культуре типа, – переработав идею «базовой структуры личности» Кардинера и Линтона.

Портрет, который получился, был мрачным. Протоколы алорцев Оберхольцер описал как скудные и скованные: в них преобладала опора на форму пятна, было мало ответов по движению человека и по цвету, зато выражена реакция на тёмные тона – то, что он называл «чёрным цветовым шоком» и трактовал как признак тревоги. Разделы его главы носят соответствующие названия: «Чёрный цветовой шок», «Чёрно-белые ответы», «Интерпретация аффективности». Общий вывод касался, среди прочего, **отсутствия у обследованных способности к устойчивому творческому усилию**. В совокупности с выводами Кардинера складывалась картина тревожной, недоверчивой, эмоционально уплощённой личности с поверхностными и амбивалентными привязанностями.

Совпадение с этнографическими наблюдениями Дю Буа сочли поразительным, и десятилетиями этот эпизод приводили как доказательство того, что роршаховский метод улавливает нечто реальное вне зависимости от культуры.

Проблема обнаружилась позже, и обнаружилась она срав-

нением. Когда Энтони Уоллес применил ту же схему к ирокезам-тускарора, ему понадобилось отграничить свой материал от алорского, и сделал он это выразительно: тускарора у него противопоставлены «глубоко травмированным, боязливым алорцам» (Wallace, 1952, с. 70). Иначе говоря, целая деревня по результатам теста выглядела популяцией психически неблагополучных людей – при том, что её жители вели обычную для своего общества жизнь.

Отсюда и главное методологическое возражение, сформулированное в обобщающем разборе кросс-культурного применения проективных методик (Lindzey, 1961). Оберхольцер сравнивал алорцев с нормами, полученными на европейских и американских выборках. Всё, что отклонялось от этих норм, автоматически прочитывалось как патология, а не как культурная особенность. Скудость протокола может означать тревожность – а может означать, что человек не понимает смысла происходящего, не доверяет чужаку с картонками или просто не считает нужным фантазировать вслух перед посторонним. Различить эти варианты по одному протоколу невозможно. Тот же вопрос ставил и Ирвинг Хэллоуэлл, много работавший с оджибве и относившийся к кросс-культурным интерпретациям осторожнее прочих (Hallowell, 1945).

Есть в этой истории и деталь, о которой стоит сказать прямо, потому что она характерна для эпохи. Сами протоколы алорцев в форме, позволяющей независимую проверку, не

публиковались: в книге есть выводы Оберхольцера, есть разбор отдельных случаев, но нет материала, по которому современный исследователь мог бы перекодировать записи и убедиться, что интерпретация следует из данных. Проверить эту работу сегодня в строгом смысле нельзя – можно только принять или не принять на веру.

Исторически эпизод важен по двум причинам. Во-первых, именно здесь впервые была всерьёз поставлена – пусть и не решена – задача межкультурной валидности, к которой профессиональное сообщество вернётся только в 2000-е (см. главу 6). Во-вторых, антропологическое применение сильно расширило представление о том, что метод «может»: если он работает на Алоре, значит, он улавливает нечто универсальное – и, следовательно, применим где угодно. Именно эта необоснованная экстраполяция и подготовила последующие проблемы.

3.2. Война: отбор в OSS

В годы Второй мировой войны тест Роршаха вошёл в систему отбора кандидатов в Управление стратегических служб (OSS) – предшественник ЦРУ. Отбор представлял собой многодневную процедуру: кандидатов помещали в загородный дом, наблюдали в стрессовых заданиях, ролевых играх и групповых испытаниях, и параллельно тестировали.

Логика была ясной: требовалось предсказать поведение человека в условиях, которые невозможно смоделировать в кабинете, и любая процедура, обещающая доступ к «глубинным» характеристикам, была востребована. Опыт OSS оказал огромное влияние на послевоенную практику кадрового отбора – и заодно закрепил представление о тесте Роршаха как об инструменте, пригодном для решения прикладных задач вне клиники.

3.3. Нюрнберг

Самый известный и самый спорный эпизод в истории применения метода.

В 1945–1946 годах в тюрьме Нюрнберга работали двое американских специалистов: майор Дуглас Келли, психиатр, и лейтенант Густав Гилберт, психолог. Формально их задачей было следить за состоянием подсудимых и обеспечивать их процессуальную дееспособность. Фактически оба вели собственное исследование - в расчете написать книгу о «психологии нацистского руководства», используя, в том числе - и тест Роршаха.

Здесь важно сразу устранить распространённое недоразумение. **Эти протоколы не были частью судебного процесса.** Они не фигурировали в материалах дела, не влияли на приговоры и собирались, по существу, в частном порядке.

Первое, что выяснилось, противоречило ожиданиям. По данным Гилберта, средний коэффициент интеллекта двадцати одного подсудимого составил 128 – диапазон от «высокого» до «очень высокого»; у Геринга 138, наивысший результат у Хьяльмара Шахта – 143. Никакого интеллектуального дефекта в группе не было.

Что именно они отвечали. Протоколы Геринга и Гесса цитируются в литературе чаще прочих. Геринг на одной из ахроматических таблиц увидел двух танцующих людей:

«Фантастический танец. Двое мужчин, вот их головы, их руки вместе, как кружащиеся дервиши. Вот их тела, их ноги». Он же отметил на пятне красные «шляпы». Держался Геринг подчёркнуто уверенно: закончив с картой, переворачивал её лицом вниз, показывая, что добавить нечего.

Гесс на той же таблице дал ответ иного рода: «Микроскопический срез, части насекомого с пятнами крови». В другом варианте записи он говорил о двух мужчинах, обсуждающих преступление и думающих о крови, и от этого перешёл к рассуждениям о «кровавых мыслях». Гесс к тому моменту заявлял об амнезии, и его протокол использовали как аргумент против симуляции: человек, ничего не помнящий, вряд ли даёт такие ассоциации. Через десять дней после начала процесса Гесс сам признал, что потеря памяти была тактикой защиты.

Как это интерпретировали. Дальше начинается то, ради чего этот эпизод и стоит рассказывать: одни и те же несколько фраз на протяжении полувека читались противоположным образом.

Флоренс Миале и Майкл Зельцер, опубликовавшие материалы в 1975 году (Miale & Selzer, 1975), увидели в них общую патологию. Танцующие фигуры Геринга они истолковали как «гипоманическую защиту», красные шляпы — как эмоциональную поглощённость статусом. Ответ Гесса охарактеризовали как остатки бурной, возбудимой, ни с чем не связанной эмоциональности, которая всё ещё интенсивна, но

отщеплена от контакта с реальностью. Вывод: перед нами люди с выраженным психическим неблагополучием.

Читатель, вероятно, уже заметил уязвимость этих рассуждений. Интерпретаторы точно знали, чьи протоколы перед ними. Отделить в такой ситуации то, что следует из ответа, от того, что следует из знания о Нюрнберге, невозможно.

Именно это и проверила Молли Харроуэр (Harrower, 1976). Она отобрала восемь нацистских протоколов и восемь контрольных, подобранных по уровню психического благополучия, и раздала их вслепую десяти признанным экспертам по методу Роршаха. Задача: определить, где чьи. Эксперты не справились – результат не отличался от случайного угадывания. Всего в её распоряжении было семнадцать записей.

Этот эксперимент – редкий по чистоте и обескураживающий по результату – фактически закрыл вопрос о «нацистской личности» как о едином психологическом типе. Барри Ритцлер, применив количественный подход (Ritzler, 1978), пришёл к выводу, что группа не была психотической и что речь скорее об оппортунистах, чем о тяжело нарушенных людях. Резник и Нунно (Resnick & Nunno, 1991), проведя слепой анализ по Интегративной системе, заняли промежуточную позицию: не психоз, но характерологическая патология людей, которых высокое положение сделало более опасными, и склонность видеть мир опасным и злым местом. Грайнер и Нунно (Greiner & Nunno, 1994) сравнили шест-

надцать протоколов с данными по заключённым с антисоциальным расстройством личности и обнаружили, что нацистские руководители демонстрируют **меньше**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.